

I.

Тому уже много лет, а все так же под обычным здесь облачным небом зеленеют эти холмы. И этот, будто скатился с них, просторный луг... Тот, на котором был лагерь Немецкого легиона.

Да, был здесь когда-то Королевский немецкий легион. Но уже в мои юные годы было здесь все так же, как сейчас. Все та же луговая пустошь, плуг так и не взрезал здесь толстый слой дерна.

Увы, что вообще теперь могло напомнить об этом лагере?

Хотя нет... Иногда напомнить может и ровное место. Вот это хотя бы, посреди луга, такой ровный здесь травостой.

Скорее всего, проходили на этом месте построения. И... Утром и вечером, при подъеме и спуске флага, утюжили, ровняли здесь землю сотни тяжелых башмаков.

А еще вот, в стороне, давно, конечно, затравленные тоже, какие-то бугры, все — в одну линию... Барьеры? Ну да, конечно. С годами насыпи осели, а все же можно себе представить, как перед ними, ярдов за сто, пускали лошадей в галоп.

Представить все как тогда было, еще лучше вечером. Проходишь вечером по этому уеди-

ненному месту: тишина — будто с тех пор; лишь изредка набегающий ветер прошелестит высокой травой. Да еще если оставят на ночь пастись лошадей... Вдруг услышишь всхрапывание тех еще, у стойл, лошадей.

И как-то, уже невольно, призрачно, увидятся в сумерках ряды палаток и полковых фур. Наверное, да, по зову горна в лагерь все вернулись, но — редкие, умиротворяющие удары барабанов еще не призвали ко сну.

И вот слышно... Из-за парусиновых стен вырываются гортанные звуки немецкой речи. Перемежаемые — английской... Да, уже! Ведь по первому договору немцы-легионеры служили в Англии пять лет. И, надо сказать, редко кто соглашался на второй. Так что, кто знает, может, как раз сейчас... вырвутся из-за этих лагерных стен на свободу и вдруг стройно — неожиданно после такого смешения языков — стройно польются нездешние, не всегда понятные англичанам слова... понятной в своей грусти песни.

Да, все, что было в истории этой округи главного, — было здесь девяносто лет назад.

А ведь до той поры, пока король Георг III не избрал для своих морских купаний городок в Старой Джорджиане, в нескольких от него милях к югу не видели здесь ни одного чужеземца. Отдельно

стоящие дома помещиков и фермеров, деревушки арендаторов и батраков слишком уж уединенно уютились в оврагах и лощинах. Поэтому, наверное, так долго, из поколения в поколение, и передается история пребывания здесь иностранцев-военных, причем в разных и подчас не очень благоприятных для ее героини (Филлис Гроув) живописаниях.

...Не правда ли, любопытно это уже само по себе: то, как бывает, что наши воспоминания о каких-то важных событиях в конце концов суживаются до истории отдельного человека, участника этих событий. Особенно если такая история кажется нам невозможной без того, чего, по нашим житейским представлениям, не могло не быть в отношениях женщины и гусара.

О том, как все было на самом деле, мисс Гроув рассказала мне.

...Еще мне было двенадцать лет, когда, по договоренности мисс Гроув с моими родителями, я сразу же после утренней дойки стал приносить ей молоко.

И однажды я спросил мисс Гроув о том, о чем, в связи с ее именем, услышал в своем доме разговор... О каких-то гусарах.

То, что я услышал, меня захватило! Ведь надо же, что, оказывается, было когда-то возле нашей деревни... Здесь был даже король!

То есть тогда, в первый раз, услышал я только о них, о короле и его гусарах.

И лишь года через три, уже, видимо, собираясь в невозвратную дорогу, мисс Гроув решила поведать мне, всегда слушавшему ее с таким интересом, из-за чего, собственно, и вся округа помнила ее гусарскую историю. Тому поведать, кто был чужд всяческим сплетням взрослых и был (она так и сказала) — был еще чист перед Господом сам.

Да, мисс Гроув была тогда дама лет уже семи-десяти пяти... А тот, кто ее рассказ, эту ее исповедь, принял, был не пастор в почтенной седине (пастору она во всем исповедалась еще в молодости, но он вскоре умер, и после этого сменилось в их церкви еще несколько священников, так что она устала всем им пересказывать свою историю). Да, рассказать не пастору, а мальчику пятнадцати лет.

И, может, она даже рассчитала: исповедь ее принял тот, кто должен был жить еще долго... Ведь рассказанное ею просила хранить в тайне до тех пор, пока «не умрет, пока ее не схоронят и не забудут о ней».

Мисс Гроув после этого прожила двенадцать лет, и вот уже двадцать с лишним прошло со дня ее кончины. Однако да, слишком, наверное, мало

чего другого, более интересного, произошло в нашей округе за все это время, если забвение, которого она так себе желала, все еще никак не наступит — а ведь уже не молод я сам!.. И надо успеть положить конец недоброй молве. Пусть память о ней, Филлис Гроув, будет светла.

Дед мисс Гроув был простой деревенский плотник. То есть ее, Филлис, отец родился, увы, не с серебряной ложкой во рту...

Но для плотника Гроува появление в его доме сына (до этого его семья увеличивалась лишь за счет дочерей) означало продолжение его фамилии. И это придало ему такие силы, что он, уже во главе нескольких работников, стал брать заказы на постройку домов даже в столице графства Бате. И теперь он уже был не просто плотник Гроув, а мистер Гроув, подрядчик.

Сын обнадежил хорошими способностями в учении. И, переехав с семьей в город, мистер Гроув сделал все, чтобы тот получил профессию врача. Но...

Впрочем, может, и хорошо, что он, Гроув-старший, отжив свое, умер, не успев разочароваться. Ибо, наверное, интерес к медицине в гораздо большей степени таил в душе он сам. Душа же его сына, доктора Гроува, потребовала нечто другое... И особенно это в нем проявилось после смерти (в родах) его жены, матери Филлис.

Да нет, конечно, кто же против потребности души (тем более когда это касается спасения на Небесах). Однако доктор Гроув уж слишком подолгу, в ущерб делам на земле (а ведь требовалось еще устроить судьбу дочери), стал возносить молитвы... Забыв наставление отца: возноситься человеку надо прежде всего не молитвами, а трудом. Исполнением своего долга на земле.

Так что, в конце концов, врачебная практика доктора Гроува перестала оправдывать даже необходимые в связи с ней затраты. И он оставил ее.

Благодаря отрешенности от земных благ, которую разделяла его покойная супруга, а затем и усилиям сестры (та, уже будучи вдовой, в течение нескольких лет, пока он еще врачевал и жил с дочерью в ее доме, вела их общее хозяйство), мистеру Гроуву удалось сохранить в банке деньги, унаследованные от отца и от продажи родительского дома. А все же прожить в городе на проценты от этих сбережений было невозможно. К тому же надо было теперь снимать квартиру: настолько разгневалась сестра, что прахом пошли все усилия, положенные на то, чтобы в его лице возвысить род Гроувов.

Вот так и случилось, что мистер Гроув поселился с дочерью в сельской местности. Где, конечно,

все было дешевле. Кстати сказать, неподалеку от той деревни, откуда Гроув были родом.

Купив здесь (за весьма скромную плату) дом разорившегося фермера, мистер Гроув пригласил женщину из деревни помогать дочери по хозяйству: стирать и, ради меньшей оплаты, в один свой приход готовить им на весь день. Последнее обстоятельство (разогревание обеда пришлось возложить на дочь) ввергло Гроува в горькую меланхолию. С которой он справлялся разве что лишь в церкви, во время богослужения. А еще — обрезая ветви деревьев, вылезавшие за ограду его сада. В самом деле... В обоих случаях им, Гроувом, овладевало чувство, как бы то ни было унаследованное от отца... Чувство самоусовершенствования.

С односельчанами мистер Гроув общался мало, разве что иногда беседовал с пастором после службы в церкви.

А потому его дочь, мисс Гроув, однообразие жизни скрашивала (по примеру отца) воображением: то, среди полной тишины, взволнует ее шуршание за окном юбок таинственной гостьи (а это ветер погонит вдоль ограды сухие листья), то, вдруг, в сумерках подъедет к дому роскошный экипаж... И вот уже с глухим стуком сброшен с задка кареты поразительно прекрасный багаж (а это доктор Гроув перед очередной операцией в саду начнет вострить о точильный камень серп — и как раз в эту минуту... где-то там, в море, на учениях, выпалит корабельная пушка) — между тем как уже появится у ворот осанистый, хотя еще и достаточно молодой джентльмен, и, прежде чем дернуть шнур колокольчика, замешкается в благородном смущении, так понятном ей, Филлис (а это всего-навсего — тис в виде пирамиды, искусно подстриженный сегодня отцом).

Живи Филлис в городе, возможно, она и преодолела бы унаследованную от отца черту — воображать жизнь такой, какой хотелось бы ее видеть. Но здесь, в одиночестве, эта черта только еще развилась, сделав Филлис застенчивой до робости.

Так что когда однажды, выйдя из дома на прогулку и встретив возле церкви незнакомого ей довольно еще молодого человека, она опустила глаза долу и покраснела до ушей. Он посмотрел на нее внимательно, взглядом человека, кое-что понимающего в людях. И уже вскоре пришел в деревню опять; он был знаком с пастором — и как раз в его доме познакомился с мистером Гроувом. Для того (это стало очевидно), чтобы быть представленным его дочери, мисс Гроув.

Что однажды, после службы в церкви, и произошло...

Хамфри Гоулд, холостяк, не старый и не юнец (лет тридцати с небольшим), не очень-то уж и красивый (но и не безобразный), в общем, надо признать, вполне respectable господин, — был джентри... То есть принадлежал к дворянскому роду. И, наверное, поэтому, когда он стал женихом дочери Гроува, бесприданницы, их помолвку здешние помещики сочли даже не совсем равной... Отец же Филлис, загоревшись очередной мечтой (правда, уже вполне земного характера), сказал ей, что, выйдя замуж за человека столь уважаемой фамилии, она сделает блистательную партию!

Ну конечно же, он, Хамфри Гоулд, не сразу попросил руки мисс Гроув. Сначала он увлек ее рассказами о жизни королевского двора... Жизни, к которой он был каким-то образом причастен. В то время как жизнь ее, Филлис, протекала в деревне, где она была знакома лишь с пастором и кухаркой.

Зато теперь, после знакомства с Хамфри Гоулдом, Филлис, будто воочию, видела этот гордо высившийся на холме Глостерский замок, летнее обиталище монарха!

Правда, о «неравенстве», о котором, скорее всего, заговорили местные джентри, приходится сказать и другое... А именно. Друг отца Филлис, один из немногих оставшихся в столице графства Бате его друзей, ответил на восторженное сообщение Гроува о помолвке, что не видит особой разницы в положении жениха и невесты... Ибо точно знает, что пока (до получения в случае смерти своего отца некоторого наследства) Хамфри Гоулд беднее церковной крысы.

И все же репутация жениха его дочери, члена дворянской фамилии, говорила мистеру Гроуву слишком многое — возможное родство с ним поднимало его в собственных глазах. И он, подобно молитве, вознес свои надежды на лучшее будущее.

Что ж... Эти, именно денежные, обстоятельства жениха и послужили оправданием (быть может, вполне справедливым) тому, что он все откладывал бракосочетание. Когда наступила осень и король покинул свой приморский замок, Хамфри Гоулд переселился в Бат. Написав оттуда, что приедет к невесте через несколько недель.

Однако, вот... Наступила уже и зима.

О том, что причиной столь долгой его задержки в городе могла быть женщина, Филлис даже и не думала. То есть из этого понятно, что любви к жениху она не испытывала. Любви в том ее смысле, в каком испытала она ее впоследствии... Нет, нет, и здесь ей надо поверить: она, невеста Хам-

фри Гоулда, его — уважала! (Так потом, в своем повествовании, уверяла меня мисс Гроув.) И очень ценила его знакомство со всем, что делалось, делается или еще будет делаться в королевском дворе (повторяем, это ее любопытство было вполне естественно, если учесть, как мало она до своего знакомства с Гоулдом знала о жизни за порогом своего дома). И она даже гордилась, что такой уважаемый мужчина избрал именно ее... Когда мог бы сделать выбор, соответствующий его положению в обществе.

...Но он все не приезжал!

А пришла уже и весна.

То есть письма от Хамфри приходили регулярно. Причем обращался он сразу к ним обоим, отцу и дочери. Что, понятно, не очень-то нравилось невесте. А потому на его письма отвечал отец. И хотя сказать, что без него, Хамфри Гоулда, она, Филлис, скучала больше, чем прежде, было бы не совсем верно... Однако неопределенность своего положения стала уже ее тяготить. И росла обида на виновника такого положения дел.

Между тем за весной последовало лето, и вернулся на морские купания король.

Вот только... Не возвращался к своей невесте Хамфри Гоулд. Но он продолжал писать: оказывается, заболел его отец... Так что отец Филлис оправдывал его перед ней: «Хамфри — единственный из всех своих братьев и сестер, кто живет с больным отцом».

Больше того. Он, ее отец, вдруг заговорил с ней о себе... Хотя ей ли, Филлис, не понимать своего отца? Его горечь, с какой он переживал необходимость их переселения в деревню. Оставить в городе общество образованных людей, дружеское общение с ректором тамошнего их приходда... И уехать едва ли не в ту же деревню, из какой в свое время начинал возвышение их фамилии его отец, дед Филлис.

А еще и то, что касалось ее самой... Как-то их кухарка сообщила им обоим, ей и ее отцу, что сын фермера стал бывать в церкви чаще, чем раньше... И что он просит разрешения подойти к ним после службы. Чтобы познакомиться. Потому что, сказал он, уже все в их деревне не верят, что этот джентри, Гоулд, возвратится...

Но... Отец даже и думать не хотел, чтобы она, его дочь, вышла замуж здесь, за кого-то из деревни.

Ну да, да, он, ее отец, — он хотел надеяться! Хотя и не могла она, Филлис, не рассмеяться (разумеется, про себя) тому, как обрадовался отец, когда его друг в Бате подтвердил в своем письме, что отец Хамфри болен действительно.

II.

Кто из англичан не знает, что король Георг III был внуком немца. Того, кто, прежде чем призванным стать королем Англии, был курфюрстом, то есть монархом одного из многочисленных государств Германии, впрочем, довольно большого — Ганновера. В этом союзном Англии государстве и стали с тех пор вербовать солдат для службы в британской армии. И вот на этот раз Георг не захотел даже на лето (на время морских купаний) расстаться со своим любимым Немецким легионом.

...Странной показалась бы нам теперь форма британского солдата того времени — и особенно солдата упомянутого Легиона. С ее громадными эполетами, причудливыми треуголками шляп, опоясывающими все тело лядунками патронниц (их потом назовут патронташами) и с такими башмаками! На пряжках — с суконными, на подкладке, голенищами, называемыми самими немцами *Hälbstiefel*, то есть штиблетами. Еще бы!.. Его, солдата, экипировали тогда как божество, смотрели на него как на нечто монументальное, а сама война считалась великой доблестью.

И просто не могли тогда англичане не любоваться в этом Легионе полком Йоркских гусар, его блестящей, еще более примечательной формой и великолепными лошадьми. Ах да, не забыть еще сказать о том, что привлекло особенное внимание девушек нашей местности... Усы этих гусар — редкая в те времена принадлежность британских солдат.

Как раз этот полк (Йоркских гусар) расположился на лугу, просматриваемом с того края деревни, на котором стоял дом мистера Гроува.

Конечно же, Филлис тоже заинтересовалась этим вторжением военных. Хотя как раз из-за них отец запретил ей выходить на улицу одной, без него. Ведь даже, сказал он, такая пустая, на первый взгляд, вежливость, как поклон гусара, может иметь далеко идущую цель, о чем девушки обычно не думают.

Лагерь гусар был виден из сада.

...Хотя и невысока садовая стена, всего-то по плечи, а все, наверное, лучше смотреть с нее. Стена выведена из местного, скрепленного известковым раствором камня, так что влезать на нее было довольно легко, и такая была толстенная, что можно было встать на ней во весь рост.

Впрочем, все-таки, до поры до времени, в жизнь лагеря, боевую и не очень, Филлис всматривалась меньше, чем в море. Смотреть на море — после города, в котором много еще на

что можно было смотреть, — давно уже для Филлис стало необходимо. Она даже узнала у отца названия виднеющихся вдали островов: Портланд и Сент-Альдхельм.

Вот и в тот день... Филлис сидела на стене бочком, свесив ноги (разумеется, не наружу), и рассеянно смотрела в морскую даль.

Глаза человека (и не только его) так устроены, что стоит чему-то, в пределах видимости, прийти в движение, как тотчас взгляд переносится на этот предмет. Вот и в эту минуту... Взгляд уловил — и вовсе не в море — какую-то одинокую фигуру, которая подвигалась от лагеря военных.

Тропинка, по которой двигалась фигура, шла мимо их сада. Вглядевшись, Филлис поняла, что это действительно кто-то из лагеря, и приготовилась увидеть одного из тех гордых гусар Йоркского полка, о бравом виде которых говорили во всей округе.

Однако этот шел, глядя в землю... Он, кажется, и голову опустил бы долу, если бы тому не препятствовал стоячий воротник мундира.

Не замечая никого, а лишь следуя поворотам тропинки, гусар шагал уже вдоль ограды, так что его лицо можно было теперь разглядеть хорошо.

И она, Филлис, удивилась... Гусар был печален! Что это он? Что могло омрачить его сердце? Другое дело — ее... Ей-то было что переживать. А что — ему?..

В самом деле, удивление мисс Гроув... тогдашней Филлис, можно было понять. Ведь ее представление о военных (столько теперь о них рассказывала кухарка!) — ее, Филлис, представление о любом из гусар было таково, что всегда у гусара легко на душе... Вон как начищены пуговицы его мундира.

Что-то заставило солдата поднять глаза, и он увидел девушку на ее позиции — красивую молодую девушку с кисейным платочком на милых плечах и выступавшей из ворота платья прелестной шейкой. Вообще — вся она во всем своем белом наряде... при свете этого удавшегося сегодня солнечного дня — так и бросилась ему в глаза! Солдат даже покраснел от неожиданности этого, наверное, особенно яркого среди его казенных буден видения... Но не остановился, прошел.

...Лицо иностранца-гусара виделось Филлис, даже когда она разогревала обед. Так мужественны и так гармоничны были его черты. Но... Такое оно было красивое, его лицо, а — грустное... Почему?

Так что, вполне естественно, на другой день, в этот же час, Филлис опять смотрела с ограды: ведь он же вчера ее увидел — и вполне может в свободное свое время прогуляться здесь опять.

На этот раз он шел медленно, читая (сколько же можно его читать) какой-то листок. Письмо? От кого?..

Солдат заранее рассчитал, сколько надо сделать вдоль ограды шагов, чтобы поднять голову и ее увидеть... Он улыбнулся ей, остановился и сделал поклон. Такой учтивый, на какой не был способен ни один молодой человек в их деревне.

— Какой сегодня хороший день, не правда ли? — сказал он.

Разумеется, что с этим замечательно мудрым наблюдением над погодой Филлис не могла не согласиться. И спросила сама:

— Что вы читаете?

И он ожидал этот ее вопрос (ведь только уставшим от жизни и ни на что в ней дольше не надеющимся показались бы эти слова молодых людей пустой банальностью), он отвечал, что письма от его матери из Германии, что письма от нее приходят редко, и потому он, вот, перечитывает их по несколько раз.

Вот и все, что произошло в этот день, в это их никак не условленное свидание.

Но очень даже правильно решил он, гусар, что не надо и говорить о том же часе на другой день...

Теперь, когда я далеко уже не тот мальчишка, которому мисс Гроув рассказала эту историю, я догадываюсь, почему она, англичанка, хорошо понимала немца... Всегда они, молодые люди, к какой бы национальности ни принадлежали, поймут друг друга, если друг другу понравятся.

Наверное, так было и с ними... Наверное, когда в его, немца, распоряжении не оказывалось тех слов, которыми он хотел ей, англичанке, поведать о своем чувстве, глаза его приходили на помощь языку, а глазам... Но то, конечно же, произошло далеко не сразу — наконец, глазам помогли однажды его усы...

Да, да, это ее, Филлис, знакомство, начавшееся так неосмотрительно, даже можно сказать, опрометчиво, крепко с каждым новым свиданием. А уж когда она узнала историю жизни этого «блестящего гусара»!..

Он, Маттеус Тина, как она и подумала, родился не в деревне, нет, его родной город, Саарбрюккен, на самой дальней отсюда стороне Германии. В британскую армию он был завербован в этом немецком городе.

...И даже тогда она, мисс Гроув, приостановив свое повествование, вдруг сказала мне с убежденностью церковного проповедника: «Вот... Прожила с тех пор столько лет — и утверждаю, что таково благовоспитанного, как Маттеус Тина, трудно встретить среди солдат чисто английских полков. Своими манерами и своей образованностью он походил на нашего отечественного офицера, недаром английское командование Немецкого легиона произвело его в капралы».

А когда мисс Гроув в своем рассказе (не всегда, правда, стройном и последовательном) возвратилась к такой особенности Маттеуса, как его тоска по матери, она воскликнула:

— Но... Как раз это оказалось главным! Ведь не только по матери он тосковал, Маттеус... Нет, он мечтал о своей Германии!

Больше того. Оказалось (и здесь надо сказать, что мисс Гроув, быть может, была единственной из всех англичанок, кому тогда открылась вся правда об истинных чувствах тех немцев, которые служили в британской армии) — да, оказалось, что мучениками этой тоски по родине были они почти все!

В самом деле. Если король Англии Георг III интерес к родине своего деда уже вполне удовлетворял лицемерием в армии Великобритании Не-

мецкого легиона, то большинство солдат Легиона не питали никакого интереса ни к этому королю, ни к его королевству и желали лишь одного — поскорее отслужить здесь свой срок, уехать — и никогда больше сюда не возвращаться. Да, плотью они были тут, в Англии, а сердцами — в своем дорогом фатерланде... О котором сам Маттеус, несмотря на примерное исполнение своего солдатского долга, мог говорить не иначе как со слезами на глазах.

И что же?.. Известно: если мужчина женщине симпатичен, то есть если при этом действительно он выглядит мужчиной, а не слабаком и сплунтяем, то какое-то его горе приближает к нему женщину сильнее, чем какие-либо его успехи.

Но, вместе с тем, здесь как раз время отметить две противоречащие друг другу особенности мышления Филлис... А именно. Познакомившись с Маттеусом, она уже не так переживала странность поведения Хамфри Гоулда, своего жениха. И в то же время, хотя и была она растрогана историей немца-гусара, этого симпатичного ей молодого человека, помнила, что она — невеста. Нет, еще долго не допускала она переступить границы простой с ним, Маттеусом, дружбы.

Продолжение следует.

Перевод с английского Ю. Сенчурова

О переводчике. Юрий Сенчуров после окончания Литературного института и до своего шестидесятилетия — литературный редактор в издательстве «Художественная литература», в редакциях журналов «Огонек», «Октябрь». Его переводы и статьи — в составленных им собраниях сочинений иностранных писателей. Пишет и для детей.